

The image is a surreal, high-contrast photograph of a long, dark, and dilapidated hallway. A man's silhouette is seen from behind, walking away from the viewer towards the end of the corridor. The walls are peeling and stained, and the floor is wet and reflective. A large, glowing full moon is suspended in the center of the ceiling, casting a warm, golden light that illuminates the scene. The overall mood is mysterious and unsettling.

Макс Корень

Договор с Солнцем

Макс Корень

Договор с Солнцем

<https://litres.ru/74574513>

SelfPub; 2026

Аннотация

ВНИМАНИЕ: Самая сильная, мистическая часть истории — ЭСТ, две клинические смерти и заключение Договора с Солнцем — начинается в 3-й и 4-й главах. Прочитайте бесплатный фрагмент до конца, чтобы понять цену, которую заплатил автор.

«Договор с Солнцем» — это предельно честная автобиографическая повесть о человеке, прошедшем через ад карательной психиатрии середины 2000-х годов. Попав из родного Иркутска в разрушенную больницу в Абхазии, а затем в знаменитую московскую «Кашенко», герой сталкивается с жестокостью системы, боями за выживание и двумя клиническими смертями, во время которых заключает мистический договор с высшей силой. Но выход за ворота клиники не означает конец испытаний. Это история о том, как человек продолжает нести свой крест, бороться с зависимостью и искать ориентиры в мире, где тишина оплачена пожизненной ценой.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Макс Корень

Договор с Солнцем

Глава

(Автобиографическая повесть)

Аннотация

«Договор с Солнцем» — это предельно честная автобиографическая повесть о человеке, прошедшем через ад карательной психиатрии середины 2000-х годов. Попад в родного Иркутска в разрушенную больницу в Абхазии, а затем в знаменитую московскую «Кащенко», герой сталкивается с жестокостью системы, боями за выживание и двумя клиническими смертями, во время которых заключает мистический договор с высшей силой. Но выход за ворота клиники не означает конец испытаний. Это история о том, как человек продолжает нести свой крест, бороться с зависимостью и искать ориентиры в мире, где тишина оплачена пожизненной ценой.

Глава 1: Дранды. Слом

Год 2005-й. Время, когда мир вокруг казался выкрученным на максимальную громкость, но в моей голове он постепенно превращался в белый шум, залитый алкоголем. Из родного Иркутска, где сибирская зима вымораживает мыс-

ли до костей, меня занесло на другой конец страны — в Абхазию, к бабушке. Целый год среди кавказских пейзажей, влажного субтропического воздуха и не до конца затянувшихся ран недавней войны. Там меня и настигла «забота» родственников. Из лучших побуждений они решили вылечить меня от пьянства.

Так я попал в Дранды. Психиатрическая больница в бывшей тюремной крепости.

Если вы думаете, что там лечат, вы ничего не знаете о казенной медицине тех лет. Там ломали. До Абхазии я был худым, но крепким, спортивным парнем — сибирская закалка давала о себе знать. Дранды стерли это тело. Главным ужасом больницы был даже не персонал, а быт. Канализация не работала вообще. Воду привозили в цистернах, выдавали по каплям. Из-за дикой антисанитарии, стресса и местной химии мой организм просто заблокировался. Я не мог сходить в туалет по-большому целый месяц. Физически чувствовал, как шлаки и яд заполняют меня изнутри. За эти недели я страшно, неестественно растолстел. Живот раздувался, тело отекало, превращаясь в чужую, неповоротливую массу.

Именно там, запертый в душной камере с неработающим клозетом, среди запаха испражнений и гниения, я впервые понял, что значит по-настоящему сойти с ума. Когда твой разум не выдерживает издевательств над телом и начинает сдавать позиции, погружаясь в липкий, серый бред.

Но Дранды были лишь предисловием. Когда врачи поня-

ли, что местная система со мной не справляется, меня этапом перевезли в Москву. В психиатрическую больницу №1 имени Алексеева. В знаменитую на всю страну «Кашенко».

Глава 2: Хозяева туалета

Москва встретила казенной серостью. Меня определили в отделение — огромное, как вокзал, не меньше восьмидесяти человек. Психи, алкоголики, торчки, люди с разбитыми судьбами и ампутированной волей.

Первый день запомнился во всех красках. От уколов внутри все горело, хотелось забиться в угол, но больше всего хотелось курить. Я нашел туалет — классический больничный сортир с кафелем цвета больничной тоски, прокуренный до желтизны. Едва я затаился, как дверь скрипнула. Внутрь зашли трое. По хозяйским, неторопливым движениям сразу стало ясно: эти здесь не лечатся, они здесь живут.

Впереди шел Саша Кудряшов. Местный авторитет, Смотрящий за всем отделением. В дурдомах середины нулевых порядки мало отличались от тюремных: если администрация давала слабину, власть забирали те, кто наглее. Кудряшов держал тут всех.

Диалог не задался с первой секунды. Им не понравилось лицо новичка, мне — их тон. Разговаривать долго в Кашенко было не принято. В ход пошли кулаки.

Они двинулись на меня втроем, слаженно, рассчитывая быстро сломать и подчинить очередное «мясо». Я успел сообразить, что на открытом пространстве меня просто затоп-

чут, и рванул назад, прижавшись спиной к углу возле самого выхода. Спина прикрыта, сектор обстрела перед глазами. Спортивное прошлое, которое, как мне казалось, похоронено в Драндах, сработало на чистых рефлексах.

Первым сунулся Кудряшов — мой короткий встречный удар разбил ему губу в кровь. Он отшатнулся, матерно хрипя. Его помощник попытался достать меня сбоку, но поймал кулак прямо в переносицу. Послышался отчетливый хруст, из носа брызнуло. Третий, самый трусливый, шел на подстраховке, но и ему прилетело в челюсть так, что зубы клацнули на весь туалет.

Они остановились. Тяжело дыша, Смотрящий вытер кровь с подбородка, оценивающе глядя на меня. Сибиряк из угла уходить не собирался и был готов драться до конца. Троица отступила. Война была выиграна, но до мира было еще далеко.

Чуть позже, когда мы сталкивались в коридоре, тот самый побитый помощник Кудряшова, проходя мимо, негромко, с какой-то потусторонней злобой бросил мне в спину:

— Уйди навсегда!..

От этих слов по коже пробежал мороз. В месте, где люди теряют рассудок, услышать «уйди навсегда» — это не просто угроза. Это пожелание сгинуть, раствориться в этих стенах, стать овощем, уйти в небытие. И в тот момент я пообещал себе, что назло им всем — вернуться.

Глава 3: Нейролептический голод и Великий бунт

Первый месяц в «Кашенко» превратился в одну сплошную, пульсирующую потребность — кушать. Изголодавшийся, отравленный абхазским бытом организм требовал ресурса, но главным врагом были лекарства. Трижды в день нам выдавали таблетки горстями, кололи безымянную мусть внутримышечно и пускали по венам капельницы. Названий никто не говорил. Да это было и неважно. Химия действовала безотказно: она выжигала сознание, превращая мысли в вязкий кисель, и будила внутри дикий, сосущий, нейролептический голод. Животный и неутолимый.

Мне, парню из Иркутска, передач никто не носил — слишком далеко, да и некому было. Больничной баланды в столовой катастрофически не хватало. Еда проваливалась в меня как в черную дыру.

В один из дней этот голод довел меня до ручки. Когда раздача закончилась, я на чистых рефлексх подошел к поварихе и попросил добавки. Просто человеческое: «Дайте еще». Ответ системы был мгновенным и беспощадным. Повариха с размаху грохнула железной тарелкой об стол так, что звон пошел по всей столовой, и истошно закричала:

— Какая добавка?! Пошёл вон отсюда! --- На ее крик тут же прилетели «альтернативщики». В отделении их было человек семь — солдаты, проходящие альтернативную гражданскую службу. Никакой формы они не носили, ходили в штатском, но все как на подбор — крепкие, спортивные пар-

ни, набранные администрацией специально для умирения буйных. Роль надсмотрщиков им явно нравилась. В тот раз трое из них быстро и слаженно нанесли мне серию ударов, скрутили и пинками вышвырнули из столовой.

Обида и химия копились внутри меня, как порох в закрытом котле. Вспышка была неизбежна.

Это случилось чуть позже. Сознание окончательно поплыло, пространство вокруг искривилось, и меня накрыли тяжелые, яростные галлюцинации. Вспыхнул конфликт — очередной, но теперь уже финальный. И меня прорвало. Та сила, которую я копил годами на спортивных тренировках, под действием безумного адреналина увеличилась втрое.

Я пошел напролом, как танк. В ту минуту для меня не существовало авторитетов, боли или страха. Я крушил все на своем пути. В этой яростной, безумной мясорубке я в одиночку избил половину отделения. Под кулаки попали двое санитаров, вся семерка спортивных солдат-альтернативщиков и еще куча подвернувшихся под руку больных. Коридор превратился в зону боевых действий, стоны и крики стояли нечеловеческие.

Пробивая дорогу сквозь живую стену, я добежал до медсестринской и ворвался внутрь. Там замерли от ужаса медсестры. Но внутри моего безумия еще оставался стержень — женщин я не трогал принципиально. Оставив их бледнеть у стены, я захлопнул за собой тяжелую дверь и намертво вцепился в ручку, уперевшись ногами в косяк.

С той стороны навалилась вся оставшаяся на ногах шобла. Дверь ходила ходуном, трещала петлями. Семь солдат, санитары, врачи — огромная толпа мужиков навалилась скопом, но не могла сдвинуть меня ни на сантиметр. Я держал эту чертову дверь руками, чувствуя себя последним защитником крепости.

Конец пришел изнутри. Пока я держал внешний штурм, одна из медсестер, преодолев страх, бесшумно зашла со спины. Острый укол в шею или плечо — я даже не успел повернуться. Яд мгновенно хлынул в кровь. Пальцы, только что державшие тонну веса, обмякли. Дверь распахнулась.

Меня, раскисшего и теряющего сознание, толпа выволокла из медсестринской. Тащили жестко — за руки, за ноги по кафельному полу прямо в палату. Лиц я уже не видел, только смазанные силуэты. Меня швырнули на шконку. Кто-то, дыша животной злобой и мстя за разбитые носы альтернативщиков, навалился сверху и накрыл мое лицо подушкой, перекрывая остатки кислорода. В этот же момент в бедро вонзилась еще одна игла с убойной дозой тормозящего препарата.

Тьма сомкнулась. Я умер для этого отделения на несколько дней, чтобы очнуться уже в реанимации — едва живым, с трубками в горле и полным непониманием, где кончается этот ад.

Глава 4: Пылесос для души и Ослепительный Свет
Реанимация вернула меня на землю, но земля эта была

проклята. Самый страшный круг ада начался сразу после возвращения в отделение. Это называлось ЭСТ — электро-судорожная терапия. Но для меня это было конвейером казней.

Они делали это день через день. И каждый, абсолютно каждый раз это становилось полной неожиданностью. Система не предупреждала, она просто приходила за тобой. Среди серого больничного будня ко мне вдруг подходили два санитаря, молча брали под руки и вели по бесконечному коридору. Куда? Зачем? Мой измученный химией мозг не успевал сообразить. Паника включалась на подсознании, но тело уже не слушалось.

Меня заводили в процедурную, швыряли на жесткую шконку и намертво привязывали ремнями за запястья и лодыжки. Двинуться невозможно. Затем над головой вырастают фигуры медбратьев. В их движениях не было сострадания — только рутина, как у забойщиков на скотобойне. К вискам прижимали холодные металлические электроды, а в рот с силой совали толстую резиновую трубку, чтобы в судорогах я не откусил себе язык.

Но в моем измененном, воспаленном сознании эта трубка превращалась в орудие изощренного убийства. Мне казалось, что ко рту подсоединили огромный, промышленный пылесос. Что из меня заживо, с мясом выкачивают весь воздух, опустошают легкие, высасывают саму душу. «Они издеваются, — билась одна-единственная мысль в зажатых тис-

ками висках. — Они делают это специально, просто чтобы посмотреть, как я сдохну».

А потом включали ток.

Тело мгновенно выгибалось дугой, подпрыгивая на лежаке вопреки ремням. Каждая мышца натягивалась до предела, готовая порваться. Мощнейший разряд напрочь перекрывал дыхательную функцию. Наступало абсолютное, глухое удушье. Воздуха нет. Сердце сбоит. Сознание, не выдержав запредельной боли, проваливалось в глухую черную бездну. До определенного момента там не было ничего. Ни мыслей, ни снов, ни памяти. Полное стирание.

Но дважды за этот месяц черная пустота разрывалась. Сердце не выдерживало нагрузки и останавливалось. Наступала клиническая смерть.

Именно тогда, когда тело окончательно сдавалось, умирающий разум пробивал дно этого ада и выходил с другой стороны. Из ничто, из абсолютного вакуума рождался свет. Ослепительный, колоссальный, чистый Свет, принявший форму гигантского, живого Солнца. Оно заполняло собой все пространство, выжигая воспоминания о больничном кафеле, санитарах и ремнях. От него не веяло теплом в привычном смысле — от него веяло абсолютным знанием и первозданной силой.

Солнце не говорило голосом. Оно посылало мысли прямо в мое гаснущее сознание, и эти мысли грохотали во мне, как тектонический сдвиг:

— Хочешь жить?

Внутри меня, среди углей сожженного электрошоком разума, встрепенулось что-то первобытное, сибирское, упрямое.

— Да, — ответил я ему всем своим существом. — Хочу.

Солнце в ответ беззвучно, но непреклонно выставило свои условия сделки:

— Тогда ты ответишь здесь за свои грехи. За прошлые, настоящие и даже будущие. Согласен?

Это был договор, написанный на пороге небытия. Плата за право дышать дальше. Я согласился, не раздумывая, готовый принять любую кару, лишь бы вернуться:

— Да.

И в то же мгновение Свет сжался до точки, и меня с дикой силой швырнуло обратно в изломанное, хрипящее тело. Я резко открыл глаза на шконке, ловя ртом воздух через чертову трубку. Сердце запустилось снова. Я вернулся к жизни, но теперь я знал: все, что происходит со мной в этих стенах — это не просто дурдом. Это моя личная Голгофа. Моя расплата, которую я принял добровольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.